

КАКИМ удивительным событием, какой нежданной радостью бывало когда-то появление новой интересной пьесы драматурга из братской республики! За длинным зеленым столом конференц-зала Союза писателей СССР собирались: председатель комиссии по драматургии Борис Андреевич Лавренев, члены этой комиссии — Николай Федорович Погодин, Борис Сергеевич Ромашов, Алексей Михайлович Файко, другие маститые 50-х годов, чтобы коллективно порадоваться рождению талантливой пьесы на Украине, в Узбекистане, в Армении и в других братских наших краях. Помню, как читал свою «Калиновую рощу» Александр Корнейчук, как, не улыбаясь, твердо и решительно произносил уморительные реплики сатирической комедии «Опытное поле» армянский драматург Наир Зарьян, как скромно, будто бы скованный успехом, знакомил москвичей со своей «Свадьбой с приданым» Николай Дьяконов, как серьезно звучала в исполнении автора — туркменского писателя Гусейна Мухтарова поучительная «Семья Аллана», как невозможно было удержаться от смеха, слушая комедию «Женихи» осетина Асахмета Токаева, как узбек Абдулла Каххар словно накрывал своим «Шелковым сюжетом» и узкий круг очарованных коллег, и широкую всесоюзную сцену.

Нередко бывал на этих чтениях и Александр Александрович Фадеев, нежно и трогательно любивший театр, драматургию. Его выступления, одновременно романтически приподнятые и глубоко содержательные, придавали собраниям драматургов особую значительность.

И пьесы, так бережно встречаемые Москвой, прочно входили в репертуар страны, становясь как бы полупрадами своих национальных культур в единой социалистической культуре.

Но при всей популярности лучших пьес, «приехавших» в Москву в тубетейках и халатах, шароварах и чулках, черкесках и вышитых сорочках, они все же еще, словно «изюминки», виднелись в огромном всесоюзном «караване» театрального репертуара. Их можно было сосчитать по пальцам.

Сегодня многое изменилось. Пьесы драматургов братских республик уже не частица всесоюзного репертуара, они составляют сам этот репертуар и его душу, ядро, сердце, основу, уже сами по себе становясь «знаком качества» в искусстве. А одновременно с этим происходит благотворный процесс сближения национальных форм в искусстве. Можно было бы сказать, что искусство и литература испытывают стремление к синтезу, к интеграции, как это происходит в экономике, проследить в совместном бытии советских народов, пользуясь термином Станиславского, своеобразное «перевоспитание» братских культур.

Как же раскрывается новое единство — единство многонационального искусства в самых разнообразных национальных формах? Назову некоторые, наиболее для меня при-

метные черты этого современного процесса — создания всесоюзного репертуара, где главное — это союз, союз как суть государства и союз как форма бытия национальных искусств.

Национальные таланты сегодня — это крупнейшие, самобытные личности, определяющие судьбы литературы уже одним своим художественным и интеллектуальным авторитетом. Именно такое чувство рождалось когда-то при знакомстве с Мухтаром Ауэзовым, Самедом Вургунном, Кондратом Крапивой, Александром Корнейчуком, Августом Якобсоном. Родается оно и сегодня, когда встречаешься с Расулом Гамзатовым или Кайсыном Ку-

И. ВИШНЕВСКАЯ

ЗАВЕТНОЕ БОГАТСТВО ТЕАТРА

лиевым, Давидом Кугультиновым или Эдуардасом Межелайтисом.

Драматурги братских республик все настойчивее отходят от буквалистской, «вещественной» этнографии, хотя фольклорное, этнографическое начало не исчезает бесследно, а выступает по-новому, придает мощному интернациональному голосу современной драматургии отзвук народной мелодии, народной аранжировки.

Вероятно, вполне можно считать драматургом прозаика Чингиза Айтматова, все его романы, повести — остроконфликтны, раскаленно-драматичны, поэтому проза Айтматова и стала органическим театром Айтматова. Его театр повествует о неразрывном единстве человека и природы в наш технический век. Но если бы только об этом сказал писатель, истина осталась бы пусть вечным, но общим местом. Не только человек выбирает пути к природе, но и сама природа, живая у Айтматова, выбирает пути к человеку. Она приближает к себе людей внутренне естественных, она отталкивает от себя людей жестоких, тянущихся к невесомым на точных весах природы «ценностям».

Ион Друцэ говорит, по существу, о том же, о чем и Айтматов, — выбирайте в дороге жизни вечные ценности, лишь они не обременят — обогащая, лишь они обогатят — не уродуя души. «Святая святых» — это название пьесы Друцэ может стать не только названием конкретного произведения, но и своеобразной эстетической категорией. По существу, все пьесы Друцэ о том, что в каждой душе, в каждом доме есть заветный уголок, красный уголок, чистая горница, по-молдавски — «каса маре». И чувства темные не должны загрязнить эти святая святых.

Эмоционально — интеллектуальные драмы Рустама Ибрагимбекова всегда напоминают о том, что он азербайджанец. Напоминают милые сердцу автора приметы азербайджанского быта: какая-то особая душевная распахнутость, открытость шумных бакинских дворишек, звучные, пестрые краски жизни, повышенный тонус чувств. Но в то же время чи-

земли. И в лесковом языке писателя — макаёнок, в сатиры, остроты трагифарсы, такие хлесткие комедии, что, право же, вспоминаешь знаменитое гоголевское: художник должен просить у неба одновременно Гнева и Любви.

Естественно, разные могут быть определения существа народного характера, но за то,

спокойный у башкирского писателя Мустая Карима.

В активных «запасниках» многонациональной советской сцены — драматургия литовца Казиса Саи, который свободно совмещает утонченный символ с народным бурлеском.

Не сбивая шага работают на Украине Николай Зарудный и Алексей Коломиец, ставшие вровень с корифеями национально-многонациональной сцены — Кочергой, Микитенко, Корнейчуком. Такие пьесы, как «Тыл» Н. Зарудного и «Дикий Ангел» А. Коломицея, несут в себе и горечь, и юмор, и обобщенную образность, и родной украинский «запах чебреца» — по названию одной из пьес Коломицея. Спектакль «Дикий Ангел» показан сейчас в Малом театре, давними дружескими узами связанном с украинской литературой, украинской интеллигенцией.

Примечательно еще и то, что рядом с крупнейшими мастерами, людьми давно сложившихся творческих репутаций, звонко и зримо работают сегодня и писатели начинающие, но успевшие уже многое рассказать своими пьесами, яркие, самобытные индивидуальности, чьи голоса отчетливо слышатся в общем хоре многонациональной драмы. В былые годы, с рассказа о которых я и начала статью, высились только лидеры. Сейчас — иначе.

Несколько лет брал на семинарах драматургов молодой белорус Алексей Дударев. Писал заметно, его читали как «подающего надежды». Но Дударев о себе напомнил, да так, что заинтересовались и журналы, и театры — куда, мол, раньше смотрели? Его пьеса «Порог», посвященная жгуч. драматическим проблемам бытия, написана как космическая притча; напитана живым белорусским фольклором.

Молод и украинец Ярослав Стельмах, но уже широко идет его школьная пьеса «Здравствуй, синичка!», а сейчас привлекла всех новая его композиция по «Молодой гвардии» — «Горькие травы», где вечная быль-легенда как бы рассказана через стихи одного из героев-молодогвардейцев. Горькая правда, овеянная поэзией, придает пьесе Стельмаха особый, патетический лиризм.

Только что прошла по многим сценам сатирическая комедия киевлянки Валерии Врублевской «Кафедра». Ныне в «репертуарных портфелях» ее новая пьеса «Визави», где в накаленном драматическом поединке сталкиваются две крупные, одновременно горестные и радостные женские судьбы.

матургия» принял к печати пьесу уже известного татарского драматурга Ризвана Хамиди «Под знаком Марса», в которой рассказана как бы вновь ожившая в современной деревне история Ромео и Джульетты. Поэзия здесь — в сильных характерах, необлегченных столкновениях. Быть может, лучшая визитная карточка этой пьесы в том, что ее перевел Виктор Розов.

Чувашский драматург Михаил Юхма выступил с новой производственной пьесой «Фундамент», решительно соединив сугубо производственные проблемы со страстной народной мелодрамой, где чувства кипят, раскалены, как сталь в доменных печах.

Новое имя возникло и в молодой узбекской драматургии — Абдукаххар Ибрагимов, острый, язвительный сатирик. «Меня больше всего интересует внутренний мир человека. — говорит он, — который теперь живет все лучше в материальном смысле, но значит ли это, что сам он духовно становится богаче и чище?» С удовольствием познакомились мы и с искусством грузинского художника Александра Чхаидзе, его пьесе «Чинарский манифест» недавно показал Театр имени Ленинского комсомола.

В драматургии братских республик мы найдем и яркую героиню, и философскую притчу; и поэтическую символику, и фантастический реализм, и производственный репортаж, и тихую психологическую драму, и народный сказ... Расцвет жанров окрашен сейчас в глубокие фольклорные тона, что придает нынешней драматургии особое разнообразие. И, быть может, самое важное — это разнообразие взглядов на наиболее существенные явления действительности. Смесь и плача, восторга и негоды, радуясь и огорчаясь, веселясь и грустя, сегодняшний читатель и зритель нравственно растут на спектаклях современной драматургии, современного театра.

И все же каковы бы ни были успехи, надо говорить и о тревогах. За последние время на всесоюзной, на московской сцене, где еще вчера афиша была поистине «сводной» национальная драматургия вновь как бы уходит на вторые планы.

Дело, мне кажется, и в том, что режиссура наша слишком сосредоточилась сегодня на едином стилистическом видении драмы как зрелища сугубо психологического, по возможности камерного. И даже произведения непростого, густо-жанрового письма, как правило, открываются на сцене все тем же простым «бытовым», без затейливых узоров и сложной резьбы ключом.

Стоит обратить внимание, что успехи малых сцен (я говорю о Москве) связаны, как правило, все с теми же психологическими драмами, инсценировками, сделанными в традиционной-реалистической манере, как бы ни были сильны подчас в них и метафора, и аллегория. Режиссеры на малых сценах открывают сегодня все новые и новые глубинные пласты человеческих душ, дают новую жизнь заветам Станиславского — актера и режиссера, постоянно помнят о «мужественной простоте». Но, вероятно, нужна здесь и «прививка» — высокой трагедии, оглушительной комедии, словом, всего жанрового, а значит, и содержательного богатства, добытого единым многонациональным отрядом советской драматургии.

Малый театр «Дикий Ангел». А. КОЛОМИЦА. В ролях — арт. Г. Скоробогатова и Е. Самойлов. Фото И. ЕФИМОВА

Центральный детский театр. «Долгое-долгое детство» М. КАРИМОВА. Фото В. ПЕТРУСОВОЙ

тателю не покажется, что пьесы Ибрагимбекова — какой-то замкнутый мир. Лучшие из них привлекают как раз своей всечеловечностью, разрушением национальной обособленности, страстным желанием улучшить саму человеческую природу. Если вчера, говорит Ибрагимбеков своими пьесами, порядочными людьми могли считаться те, кто никого не обижает, то сегодня ласково-положительные, равнодушно-добрые уже не могут называться хорошими. Одно только неучастие в зле еще не может почитаться добром...

Словно сам белорусский язык привозил с собой в Москву, добродушно-ершистый Андрей Макаёнок, безвременно ушедший от нас прекрасный писатель, — белорусский язык с его напористо-твердым произношением, с его удивительно добрым и мужицки-язвительным юмором, с его запахами черной трудовой земли, соснового бора, пьянящего настоя из грибов, прелой травы, и снова сосны, и снова

Театр имени Ленинского комсомола. «Чинарский манифест» А. ЧХАИДЗЕ. В ролях — арт. В. Кузнецов (слева) и А. Сирик. Фото И. АЛЕКСАНДРОВА

что в понятие это непременно входит чувство юмора, можно поручиться. По-своему окрашен этот юмор — мудро-лирический у азербайджанца Анара, шумно-заразительный у армянского драматурга Папаяна,

«Часы с кукушкой» — так называется одна из пьес молодого латышского писателя Яниса Юркенса, пьеса самобытная, одновременно и символическая, и бытово-конкретная. Альманах «Современная дра-